

Эльмира Шавкатовна Никифорова,
*Костанайский государственный университет
имени А. Байтурсынова (Костанай, Казахстан),
e-mail: n. e. sh_1975@mail.ru*

Основные характеристики аргументативно-суггестивных текстов (на примере текстов судебной риторики)

В статье рассмотрена реализация способов речевого воздействия в текстах судебной риторики русскоязычных, казахскоязычных и англоязычных авторов. В ходе проведенного сравнительно-сопоставительного анализа установлено, что во всех рассмотренных текстах убеждение, внушение и побуждение реализуются через текстовые категории аргументативности и суггестивности, что объясняется общностью коммуникативной ситуации, сходством социальных ролей участников коммуникации и преследуемых ими целей. В статье выявлен ряд особенностей. Так, русскоязычные и казахскоязычные ораторы в силу особенностей структуры языков и менталитета чаще прибегают в своих речах к множественной и сочинительной аргументации, в то время как американские юристы предпочитают сочетание сочинительной и подчинительной. Аргументативное воздействие текстов судебной риторики усиливается за счет привлечения суггестивного ресурса, что прослеживается во всех рассмотренных нами текстах, хотя и в разной степени. В речах американских юристов ярко выражены модальность, персональность и тактика прямого обращения, что способствует привлечению внимания и установлению контакта с аудиторией. Русскоязычные и казахскоязычные авторы более сдержаны в выражении собственного мнения, стараются придерживаться официального протокола, что согласуется с существующей традицией и особенностями организации судебного процесса в этих странах.

Ключевые слова: аргументативность, суггестивность, имперсональность, модальность, персональность, имплицитность.

Elmira Shavkatovna Nikiforova
*A. Baitursynov Kostanai State University,
(Kostanai, Kazakhstan)
e-mail: n. e. sh_1975@mail.ru*

Key Characteristics of Argumentative and Suggestive Texts of Trial Rhetoric

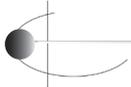
The article deals with methods of realization of speech influence in the texts of trial rhetoric of Russian, Kazakh and English speaking authors. Comparative analysis showed that in all of them persuasion, suggestion, inducement are realized through text categories of argumentativeness and suggestivity, which is accounted for by similarity of communicative situation and social roles of communicants. Besides we revealed some specific features accounted for by tradition and mentality. So, Russian and Kazakh speaking authors due to the structure of their languages and mentality prefer accumulative and complex types of argumentation, whereas American lawyers resort to the composition of complex and compound ones. Argumentativeness is strengthened by suggestive resource in all the texts but in a different degree. American lawyers' speeches are remarkable for modality, personality and tactics of direct address, which is aimed at establishing contact with the listeners, while Russian and Kazakhstani lawyers are reserved in expressing their opinion, try to follow the protocol, which is accounted for by the existing tradition and the structure of court in the countries in question.

Keywords: argumentativeness, suggestivity, impersonality, modality, personal involvement, implication.

Юридическая лингвистика является перспективным направлением современной прагмалингвистики. В русле этого направления особый интерес представляет рассмотрение коммуникативного поведения адвокатов и прокуроров в судебных прениях, в ходе которых наглядно проявляется состязательность судебного процесса, когда каждая из сторон стремится оказать воздействие на судей и присяжных для достижения поставленных целей.

Рассмотрим речевое воздействие в контексте локуции текста, то есть реализации способов речевого воздействия: убеждения, внушения и побуждения через приёмы, которые мы, вслед за Е. В. Шелестюк, объединили в понятия текстовых категорий аргументативности и суггестивности.

По мнению Е. В. Шелестюк аргументативность основывается на логико-риторических характеристиках текста, реализующих воз-

действие адресанта на мнения и рациональные оценки реципиента, а также косвенное регулирование его рационального поведения [7, с. 107], а под суггестивностью понимают те формальные, структурные и семантические характеристики текста, которые воздействуют на подсознание посредством активизации ритмических, звуковых, тематических, словесных ассоциаций, вызывая бессознательные эмоции, мысли, образы и формируя бессознательные установки [7, с. 110].

Подробнее остановимся на том, как аргументативность и суггестивность проявляются в текстах судебных речей русскоязычных, казахскоязычных и англоязычных авторов.

Согласно функционально-компонентной модели, предложенной С.Тулмином, аргументативный текст содержит тезис, данные, основание, квалификатор, оговорку, поддержку используемых оснований [8, с. 15].

Структурно-композиционный анализ отношений между тезисом и доводами, позволяет различать единичную, множественную, сочинительную и подчинительную аргументацию [приводится по: 1].

Во всех рассмотренных нами текстах авторы прибегают к множественной, сочинительной и подчинительной аргументации.

Под множественной аргументацией понимается способ рассуждения, при котором для обоснования одного утверждения используется ряд отдельных, не зависящих друг от друга аргументов, каждый из которых мог бы являться достаточным для обоснования тезиса.

Приведём пример из речи прокурора С. Джумашева: «Құрметті төрелік етуші, жазаны тағайындау кезінде, Н. Жөкешбаймен жасалған қылмыс, ауыр қылмыстар қатарына жататындығын, өзенің сипаты бойынша қоғамға қауіптілігін, жасалу салдарынан сотталушының анасымен құрдас ересек әйел адамға физикалық және мүліктік залал келтіргендігін және сот отырысында жәбірленушінің сотталушыға қатысты қатаң жаза тағайындау жөніндегі пікірін ескере отырып, сотталушыға бас бостандығынан айыру жазасын тағайындау дұрыс болар, себебі, аталған жаза ғана жасалған қылмысқа сай келеді» («Уважаемый председатель суда, при вынесении приговора прошу учесть то, что преступление, совершенное Н. Жокешбаем, относится к разряду тяжких; по его собственному признанию представляет опасность для общества; совершено против женщины преклонного возраста (возраста его матери), причём нанесен физический и моральный вред, к тому же подсудимая в ходе предварительного дознания настаивала на суровом наказа-

нии. Принимая во внимание все изложенное считаю, что наказание должно соответствовать совершённой преступлению») [10]. Аргументы прокурора в пользу строгого наказания: тяжесть совершённого преступления (жасалған қылмыс, ауыр қылмыстар қатарына жататындығын, қоғамға қауіптілігін), преклонный возраст и пол жертвы (сотталушының анасымен құрдас ересек әйел), причинённый физический и моральный вред (физикалық және мүліктік залал), просьба потерпевшей о вынесении сурового приговора (жәбірленушінің сотталушыға қатысты қатаң жаза тағайындау жөніндегі пікірін), необходимость соответствия наказания преступлению (аталған жаза ғана жасалған қылмысқа сай келеді) не зависят один от другого, но подкрепляют друг друга и усиливают производимый перлокутивный эффект.

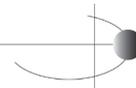
Сочинительная аргументация также состоит из отдельных доводов, но они могут быть убедительными только в совокупности: один аргумент подкрепляет другой. Например, «This case is about the right and duty of a company to protect its workers. Finally, this case represents the right of everyone to call on law enforcement when you are faced by crime here in the Unites States or anywhere in the world». («Дело в том, что каждая компания обязана защищать своих работников. И, наконец, в том, что каждый человек вправе обратиться к правоохранительным органам, когда он сталкивается с преступлением здесь, в США, и в любой другой стране мира.») [12]. Адвокат апеллирует к идее правосудия и равенства всех граждан перед законом, приводя три довода в пользу своей точки зрения:

1) the right and duty of a company to protect its workers (каждая компания должна защищать интересы своих работников);

2) the right of everyone to call on law enforcement when you are faced by crime (человек вправе рассчитывать на вмешательство правоохранительных органов в ситуации, когда он сталкивается с совершением преступления);

3) here in the Unites States, or anywhere in the world (эти права должны соблюдаться в любой стране мира).

Подчинительная аргументация характеризуется тем, что для обоснования одних доводов приводятся другие, когда аргументатор полагает, что аргумент не будет принят аудиторией, поскольку сам нуждается в защите. Примером использования этого приёма может служить отрывок из речи прокурора Марсия Кларк: «And let me come back to Mark Fuhrman for a minute, just so it's clear. Did he lie when he

testified here in this courtroom saying that he did not use racial epithets in the last 10 years? Yes. Is he a racist? Yes... Should such a person be a police officer? No» [11]. Прокурор приводит цепь аргументов, чтобы показать, что свидетель Фулхэм не имеет права работать в полиции: 1) этот свидетель солгал, сказав, что не допускал расистских высказываний в течение десяти лет. (Did he lie when he testified here in this courtroom saying that he did not use racial epithets in the last 10 years? Yes.)

2) следовательно, он является расистом (Is he a racist? Yes.)

3) будучи расистом, он не имеет морального права быть полицейским (Should such a person be a police officer? No).

Для того чтобы сформировать определённые убеждения, зачастую нецелесообразно подавать всю информацию эксплицитно: для повышения воздействующей силы аргументативного текста юристы часто используют различные синтаксические и лексические средства, формируя бессознательные установки, то есть прибегают к суггестии. Рассмотрим некоторые приёмы суггестивного (скрытого) введения новой информации:

1. Имплицитно в сознание реципиента внедряются скрытые установки, выводы. Одним из самых распространённых приёмов скрытого воздействия является введение информации в форме риторических вопросов, которые помогают привлекать и удерживать внимание аудитории, создают иллюзию диалога, а также навязывают адресату определённое видение ситуации.

Приведём ряд примеров:

1) «Did they honestly and directly address the issues before you?» [12];

2) «И вообще понимали ли подростки в полной мере правовые последствия своих поступков?» [9];

3) «Шабуыл жасау барасында қолданыған зат, қару немесе қару ретінде денеге жарақат салуға арналған құрал болып саналатын, әлде саналмайтын ескеру қажет?» [10].

Американские прокуроры и адвокаты успешно привлекают и такую форму импликации, как аналогия. Например: «Have you ever tried to put shoes on a child that doesn't want shoes put on him or a jacket on a child that doesn't want the jacket to be put on? You know, you can't do it. They are going to kick, they are going to scream... and it's not going to happen. And that's the same thing we have here. He doesn't want to put those gloves – he doesn't want to show they fit» [11]. Прокурор Кларк проводит аналогию между маленьким ребёнком, упорно не желающим надевать бо-

тинки, кричащим и брыкающимся, и подозреваемым, который также упорно не желает на следственном эксперименте надеть перчатки, в которых совершил убийство.

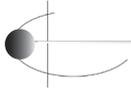
К аналогии прибегают также российские и казахстанские юристы: 1) Прокурор С. Джумашев, описывая обстоятельства дела, проводит аналогию между зарубежным фильмом, полным сцен погони и перестрелок и ситуацией в некогда тихом провинциальном городе: «Бұрынғы уақыттарда тек шетелдік атысшабысқа толы кинолардан ғана көретін бұл қылмыстың түрі, өкінішке орай, біздің қазіргі қоғамымызда да пайда болды» («Если раньше погони и перестрелки мы видели только в зарубежных фильмах, то, к сожалению, с подобными вещами теперь сталкиваемся мы сами») [10].

2) «Наше российское телевидение практически в каждом сериале пропагандирует культ насилия, когда вроде бы положительный герой совершенно безнаказанно совершает убийства и иные тяжкие преступления» [9]. Для объяснения действий своего подзащитного адвокат прибегает к аналогии между реальной ситуацией и ситуацией воображаемой, созданной СМИ.

2. Отражая отношение автора к сообщаемой информации, такие суггестивные характеристики, как модальность и персональность повышают воздейственный потенциал текста.

Наиболее высок показатель модальности в речах американских юристов: «Do we wish that this person was never hired by LAPD? Should LAPD have ever hired him? Should such a person be a police officer? In fact, do we wish there were no such person on the planet?» [11]. Модальные глаголы «wish», «should» встречаются четырежды в четырёх коротких предложениях.

Модальность проявляется и в речах российских и казахстанских адвокатов и прокуроров, но в меньшей степени и, как правило, реализуется через создание определённого образа автора. Приведём в качестве примера отрывок из речи адвоката Я. С. Киселева: «Нас учат: наказание должно быть индивидуализировано. Это значит, что каждый раз нам следует подумать над тем, что оно принесёт этому осужденному, под силу ли оно ему. И, подумав над этим, Вы решите, не следует ли выполнить мою просьбу: определить моей подзащитной наказание в пределах отбытого срока. Бывают ведь такие случаи, когда мягкость и справедливость полностью совпадают. Я убежден, что здесь они совпали» [4, с. 54].

В данном отрывке модальные слова (следует, не следует, должно быть) вместе с другими выразительными средствами: косвенной речью (под силу ли оно ему, не следует ли выполнить мою просьбу), экспликацией причинно-следственных связей (наказание должно быть индивидуализировано в этом случае; учитывая особенности дела), выражением собственного мнения (я убеждён), имитацией диалога с присяжными (и, подумав над этим, Вы решите) создают образ автора – человека с большим жизненным опытом, который понимает, что иногда сострадание может спасти человека.

3. Персональность ярко проявляется в речах американских прокуроров и адвокатов. Достигается это при помощи ряда приёмов:

1) создания положительного эмоционального фона за счёт имитированного диалога: «I feel like it's been forever since I've talked to you. It kind of has. It's very weird to be in this courtroom next to you, seeing you every day, not getting a chance to talk to you... I feel like I want to sit down with you and say, «What do you want to talk about it? Tell me what you're thinking» [11]. Автор умело вплетает просторечные выражения, сокращённые формы, свойственные разговорной речи (*I feel like, kind of, it's very weird, getting a chance, you're thinking, I've talked*) в ткань диалога, стремясь разрядить обстановку, сделать её менее формальной;

2) тактики комплимента: «You have been through so much. You have made a tremendous sacrifice. You haven't seen your children enough, you haven't seen your family enough, and all of this in the name of justice, service of justice... I want you to know sincerely, from my heart, I appreciate it» [11]. Прокурор подчеркивает, что она высоко ценит гражданскую позицию присяжных, которые пришли в суд, несмотря на очевидные неудобства («tremendous sacrifice»);

3) обращения к жизненному опыту присяжных: «And it's up to you, the jury, to weed out the distractions, weed out the side shows and determine what evidence is it ...» [11].

Необходимо отметить, что речь русскоязычных и казахоязычных юристов менее персонифицирована, тяготеет к официальному стилю изложения в силу ряда экстралингвистических факторов: особенностей организации судебного процесса, традиционных в этих обществах представлений о том, как должен себя вести юрист.

4. Текстовая категория имперсональности, в свою очередь, отражена в текстах судебных речей во всех рассматриваемых языках. Имперсональность придаёт сообщению объектив-

ность, беспристрастность, поэтому все участники судебных прений придерживаются этого принципа при изложении обстоятельств дела и характеристике собранных улик. Приведём пример из речи адвоката Стромера: «The key assertions by now are familiar: a) that the llaje's grievances were overstated; b) that the llaje had a violent history; c) that the Parabe incident was not a peaceful protest but a violent and unlawful invasion...» [12]. Оратор никак не комментирует события, просто перечисляет их, но, делая это, предоставляет слушателям возможность самостоятельно прийти к правильному решению.

Для сравнения приведём выдержки из речей русскоязычных и казахоязычных юристов:

1) «Пистолеты в данном случае использовались как макеты. Все участники: Иванов, Маков, Шамсутдинов, Черкасов – пояснили, что пистолеты брали с собой с целью напугать, потому что они не были заряжены. Баллистическая экспертиза дала такое заключение: «Пистолет к стрельбе не пригоден» (т. 3, л. д. 158–149). Подобные заключения даны по всем четырём пистолетам, используемым при нападении на павильоны (т.3, л. д. 231)» [9];

2) «2011 жылдың 3 маусымындағы 12–02–08/36 санды сот – медициналық сараптамасының қорытындысына сәйкес, ... жәбірленуші Муздубаеваға келесідей дене жарақаттары келтірілген: жабықбасөмішайқалу жарақаты, сол көзінің айналысы...» («Согласно проведенной 3 июня судебно-медицинской экспертизе за номером 12–02–08/36 потерпевшей Муздубаевой нанесены следующие повреждения: закрытая черепно-мозговая травма, повреждение левого глаза...») [10].

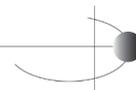
5. Ещё одним универсальным суггестивным ресурсом является разделение на «своих» и «чужих». Так, по мнению И. В. Самариной, в текстах публичных выступлений, к которым относятся и тексты судебной риторики, зачастую реализуется стратегия «создания круга своих» [5, с. 7], в основе которой лежит прагматическая семантика общности ценностей, норм:

1) «Although your feelings may be aroused, as would be natural and understandable for all of us...» [11];

2) «Бұрынғы уақыттарда тек шетельдік атыс-шабысқа толы кинолардан ғана көретін бұл қылмыстың түрі... біздің қазіргі қоғамымызда да пайда болды» [10];

3) «Хочу этим подчеркнуть, что в этого молодого человека было вложено хорошее и что он не потерянный для общества человек» [9].

Необходимо, однако, отметить, что в ходе реализации данной стратегии англоязычные

зычные авторы проявляют особое внимание к индивиду, его праву свободного выбора, в то время как в русскоязычные и казахоязычные – смещают акценты в сторону отношений «человек-общество». Для сравнения приведем ряд примеров:

1) «...these murders did not occur in a vacuum... They occurred in the context of a stormy relationship, a relationship that was scarred by violence and abuse» [11]. Преступление произошло по вине осужденного, вследствие нестабильных личных отношений, его реакции на происходящие события;

2) «Их не могли защитить родители, которые пытались защитить их интересы обращениями в правоохранительные органы... Их не захотели защитить правоохранительные органы, которые просто игнорировали обращение родителей. Им оставалось только самим решить эти вопросы путем объединения и взаимной помощи» [9]. В создании преступной группировки подростков, по мнению адвоката, виновато общество, которое не смогло помочь им;

3) «Жөкешбаймен жасалған қылмыс, ауыр қылмыстар қатарына жататындығын, өзенің сипаты бойынша қоғамға қауіптілігін...» («Преступление, совершенное Жокешбаем, относится к разряду тяжких; по его собственному признанию представляет опасность для общества...») [10]. Прокурор подчеркивает тот факт, что преступление, совершенное подсудимым, представляет опасность для общества.

6. Экспрессивные формы передачи чужой речи и обращение к слушателю также усиливают воздействие текста на уровне подсознания, что прослеживается во всех рассмотренных речах:

1) «Кастетті не мақсатпен алдың деген сұраққа, «өз – өзімді қорғау үшін керек деп пайымдады» («На вопрос, с какой целью он носил кастет, подсудимый говорит: «Применял для самозащиты»») [10]. В данном случае мы видим, что прокурор прибегает к косвенной речи, пытаясь передать особенности речи подсудимого, усиливая его отрицательную характеристику (өз-өзімді қорғау үшін керек деп пайымдады);

2) «Зачем я это сделал? Отшумел выпускной бал. Одноклассники сдают вступитель-

ные экзамены. А я... Зачем?» [9]. Адвокат, приводя воображаемый внутренний монолог своего подзащитного, пытается донести до слушателей мысль о полном его раскаянии;

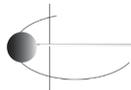
3) «That's it, can't get me, home free» [11]. Прокурор приводит воображаемый монолог преступника, который считает, что достаточно избавиться от орудия преступления, и он не будет пойман.

Таким образом, в ходе проведенного сравнительно-сопоставительного анализа установлено, что во всех рассмотренных нами текстах убеждение, внушение и побуждение реализуются через текстовые категории аргументативности и суггестивности. Это объясняется, на наш взгляд, общностью коммуникативной ситуации, сходством социальных ролей участников коммуникации и преследуемых ими целей.

Кроме этого, нами выявлен ряд особенностей проявления аргументативных и суггестивных категорий в текстах судебной риторики русскоязычных, казахоязычных и англоязычных авторов. Так, русскоязычные и казахоязычные ораторы в силу особенностей структуры языков и менталитета чаще прибегают в своих речах к множественной и сочинительной аргументации, в то время как американские юристы предпочитают сочетание сочинительной и подчинительной аргументации. Аргументативное воздействие текстов судебной риторики усиливается за счёт привлечения суггестивного ресурса, что прослеживается во всех рассмотренных нами текстах, хотя и в разной степени. Так, например, риторические вопросы, являясь неотъемлемым компонентом всех рассмотренных речей, значительно чаще встречаются в речах американских прокуроров и адвокатов, что, наряду с ярко выраженными модальностью, персональностью и преобладанием тактики прямого обращения, способствует привлечению внимания и установлению контакта с аудиторией. Русскоязычные и казахоязычные авторы более сдержаны в выражении собственного мнения, стараются придерживаться официального протокола, что согласуется с существующей традицией и особенностями организации судебного процесса в этих странах.

Список литературы

1. Богачева М. В. Специфика композиционного, логического и синтаксического оформления аргументативных текстов. Днепропетровский национальный университет, 2009. URL : <http://www.nbu.gov.ua/portal/Natural/Vdpu/Movozh/2009.../3.pdf> (дата обращения : 02.01.2012).

2. Нефедова Л. А. , Ким Г. А. Роль имплицитной информации в аргументативном дискурсе области «маркетинг» // Вестник ЧелГУ, 2011. № 3 (248). С. 98–100.
3. Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М., 1986. С. 22–31.
4. Речи советских адвокатов / сост: И. Ю. Сухарев. М : Юрид. лит., 1968. 170 с.
5. Самарина И. В. Коммуникативные стратегии «создание круга чужих» и «создание круга своих» в политической коммуникации : дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д : Изд-во РГПУ, 2006. 158 с.
6. Серль Дж. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М. : Прогресс, 1989. С. 151–169.
7. Шелестюк Е. В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования : дис. ... д-ра филол. наук. Челябинск : Изд-во ЧелГУ, 2009. 303 с.
8. Toulmin, Stephen E. The Uses of Argument. Updated Edition. Cambridge University Press, 2003. 241 p.

Источники

9. Ивакина Н. Н. Основы судебного красноречия (риторика для юристов) : учеб. пособие. 2-е изд. URL : <http://www.alleng.ru/d/jur/jur588htm> (дата обращения : 09.01.2012).
10. Протокол судебного заседания Костанайского городского суда по делу Н. А. Жокешбая, осуждённого по статье 179 УК.РК. часть 2 от 19.07.2011.
11. Excerpts from prosecutor Marcia Clark's closing arguments Sept. 26, 1995, in the O. J. Simpson murder case. URL : <http://www.usatoday.com/news/index/nns28.htm> (дата обращения : 09.01.2012).
12. Larry Bowoto V. Chevron Corporation – Ninth Circuit. URL : <http://www.ca9.uscourts.gov/.../09-156411.pdf>. (дата обращения : 09.01.2012).

Spisok literatury

1. Bogacheva M. V. Specifika kompozicionnogo, logicheskogo i sintaksicheskogo oformlenija argumentativnyh tekstov. Dnepropetrovskij nacional'nyj universitet, 2009. URL : <http://www.nbu.gov.ua/portal/Natural/Vdpu/Movozh/2009.../3.pdf> (дата обращения : 02.01.2012).
2. Nefedova L. A. , Kim G. A. Rol' implicitnoj informacii v argumentativnom diskurse ob-lasti «marketing» // Vestnik ChelGU. 2011. №3 (248). S. 98–100.
3. Ostin Dzh. Slovo kak dejstvie // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vyp. 17. Teorija rechevyh aktov. M., 1986. S. 22–31.
4. Rechi sovetskih advokатов / sost: I. Ju. Suharev. M : Jurid. Lit, 1968. 170 s.
5. Samarina I. V. Kommunikativnye strategii «sozdanie kruga chuzhix» i «sozdanie kruga svo-ih» v politicheskoi kommunikacii : dis. ... kand. filol. nauk. Rostov n/D : Izd-vo RGPU, 2006. 158 s.
6. Serl' Dzh. Chto takoe rechevoj akt? // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vyp. 17. Teorija re-chevyh aktov. M. : Progress, 1989. S. 151–169.
7. Shelestjuk E. V. Rechevoe vozdejstvie: ontologija i metodologija issledovanija : dis. ... d-ra filol. nauk. Cheljabinsk : Izd-vo ChelGU, 2009. 303 s.
8. Toulmin, Stephen E. The Uses of Argument. Updated Edition. Cambridge University Press, 2003. 241 p.

Istochniki

9. Ivakina N. N. Osnovy sudebnogo krasnorechija (ritorika dlja juristov) : ucheb. posobie. 2-e izdanie. URL : <http://www.alleng.ru/d/jur/jur588htm> (дата обращения : 09.01.2012).
10. Protokol sudebnogo zasedanija Kostanajnskogo gorodskogo suda po delu N. A. Zhokeshbaja, osuzhdjonno po stat'e 179 UK.RK. chast' 2 ot 19.07.2011.
11. Excerpts from prosecutor Marcia Clark's closing arguments Sept. 26, 1995, in the O. J. Simpson murder case. URL : <http://www.usatoday.com/news/index/nns28.htm> (дата обращения : 09.01.2012).
12. Larry Bowoto V. Chevron Corporation – Ninth Circuit. URL : <http://www.ca9.uscourts.gov/.../09-156411.pdf>. (дата обращения : 09.01.2012).

Статья поступила в редакцию 28 февраля 2012 г.